

Из всех работ Виктора Степановича Гребенникова — художественных, писательских, научных — меня, технаря, более всего интересовали его находки в области бионики: уже ставший широко известным «эффект полостных структур» — проявление волновых свойств материи; его «сотовый болеутолитель».

Я неоднократно убеждался в его действии на организм; «индикатор телекинеза» и сейчас без сбоев работает в музее Гребенникова в Краснообске. А более всего меня интересовал то ли фантастический, то ли всамделишный «гравитоплан», столь реально описанный несколько лет назад в журнале «Техника — молодежи». Оказалось, это сокращенная глава из обильно и документально иллюстрированной книги Гребенникова «Мой мир», только что вышедшей в издательстве «Советская Сибирь».

ниту тянется миллион-нозвездный Млечный Путь — наша Галактика. Мастерски переданы отражения звезд в воде, и ничто не предвещает небесных или земных катаклизмов.

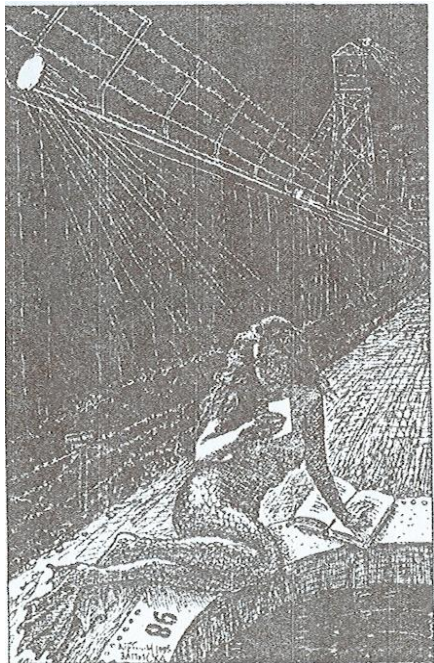
«Черное Солнце», наоборот, трагически-динамичная картина. В бурном море бешено вращается воронка водоворота, вокруг — громадные неистовые волны, а из водоворота — кисть руки какого-то несчастного, похоже, последнего из многих...

Столь же жуток лист «Смерчи в Омской области», нарисованные автором почти с натуры, по памяти.

И как контраст два реалистических листа,

Потрясает лист «Записка». Огромный, до горизонта, сталинско-бериевский лагерь с вышками, прожекторами (дело происходит ночью), многорядной «колючкой» над высоким глухим забором. А на первом плане — заточенная в лагерь прекрасная молодая... русалка читает записку, переданную ей с воли. Напомню, что 20-летний Гребенников был приговорен в 1947 году к 20 годам таких вот лагерей, тоже за «графику» — рисовал хлебные карточки с голодухи; к стати, льготами репрессированных до сих пор не пользовался — уголовник...

Видимо, лагерщина крепко засела в душе 71-летнего творца. В этом я убе-

дился, когда он, боязливо озираясь, показал мне «с руки» еще несколько графических листов, за которые, мол, могут запретить его выставку и сурово наказать. Дорогой Виктор Степанович, как ни бесправна наша жизнь, но давно нет уже ни цензур, ни «первых отделов», ни бдительных «лито», ни соцреалистических худсоветов, наоборот, прилавки и телеэкраны заполнены днем и ночью омерзительной порнухой. Но и за уже выставленную графику автор побаивается: а вдруг нагрянет какая «комиссия» и заподозрит его в формализме, иррационализме, ницшеанстве, фрейдизме, символизме и прочих «измах». Зря он так: эта коллекция — проявление высочайшего гуманизма, поистине космического интеллекта, понятного, конечно, далеко не всем, даже иным «остепененным» ценителям.

Перечислю лишь названия некоторых «тайных» его листов: «Девушка с мутантом», «Наяда и спрут», «В единении с природой», «Судьба музыки». Самая потрясающая его картина — «Казнь Богини Света». Попросите автора, может, и вам покажет?

«Новогребенниковская» серия заслуживает издания в виде альбома, сравнительно недорогого: только черно-белые шедевры. Меценаты, внакладе не останетесь: на прилавках ваших «Казнь Богини Света» — заверяю! — не залежится. А в первую очередь выставку показать бы всем новосибирцам — не на отшибе, как сейчас, а в центре города. Такое вот мое предложение городскому комитету по культуре. Или по науке. Или по экологии. Но обязательно полностью, не в урезанном виде.

Ну а я, замороженный увиденным, временно забыл даже про гребенниковский «гравитоплан». Автор утверждает, что в книге «Мой мир» о нем и о многом другом сказано подробно. Только успеть где-то купить эту книгу, может, уже продана: уж очень мал тираж...

Г. СЕМАКОВ.

Кандидат технических наук.

Увидят ли это новосибирцы?

Я еще раз решил посетить автора — не столь повидаться с его «портретами» насекомых, стереоскопической живописью, сферорамой «Реликтовая лесостепь» и прочими художествами, как посмотреть его технические находки. Приехал к нему в Краснообск, в Институт земледелия и химизации, где все это находится. И сразу за порогом остановился, пораженный: почти все фойе института занимала выставка: «В. Гребенников. Новая графика».

Поначалу не поверил своим глазам. Гребенников — убежденный материалист и реалист — выдал большую серию совсем не гребенниковских крупных графических листов, с тончайшей проработкой деталей, странных, то философско-аллегорических, то почти мистических, то полуфантастических, то космических, да таких, что я добрый час не мог оторваться от них, пересматривая эти чудо-листы по несколько раз.

Экспозиция начинается серией «Музыкальная графика». Насколько я знаю, подобного не было: в сложнейших переплетениях тончайших линий, ритмически построенных узоров и пятен действительно зазвучали — не найду иного слова — шедевры Шопена, Моцарта, Дебюсси. Завораживают листы Гребенникова «собственного сочинения»: «Прелюдия», «Музыкальный квадрат», «Арпеджио».

А дальше разместились невиданно странные символы, фантазии, аллегии, философизмы, выполненные простой шариковой ручкой, но наполненные искренним гуманизмом, великой тревогой о судьбах человечества, его интеллекта, о бедах нашей многострадальной Родины, ее природы, всей нашей планеты — сложные, с массой деталей, и совершенно реалистические, и какие-то «сновиденческие», не сразу понятные, но сразу берущие за сердце, а потом уж за разум...

Лист «Две Луны». На глубоко-черном ночном небе совсем рядом с Землей сблизилась два огромных светила, и видишь, что через считанные минуты произойдет страшное. А внизу, на земле, мирно светятся окна домов и

домишек с ничего не подозревающими людьми, которым недосуг выйти и глянуть на небо — сейчас им не до того...

О многих композициях, с их сложнейшими аллегориями и образами, узорами и метафоризмами, автор го-

ворит так: «Ничего я не придумывал, а когда лежал в больнице с инсультом, и почти вышла из строя правая, рабочая, рука, я ее тренировал, больше ни о чем не думая, подрисовывал одну фигуру к ругой безо всякого смысла, словно этой моей немеющей рукой водил «кто-то», и что-то получалось помимо моей воли, хотя ни во что сверхъестественное я не верю».

Лист «Восход Сириуса» в отличие от «Двух Лун», наоборот, выполнен с большим знанием неба — Виктор Степанович ведь еще и астроном; от картины веет покоем и торжественностью. На берегу ночного озера сидит девушка, озаренная звездами. Она заморожена небесной картиной: ведь возшла самая яркая звезда земного неба — Сириус, ослепительный, лучистый; выше и правее сияет красивейшее созвездие — геометрически правильный Орион; к зе-

ворот — круглое бревно с ручкой; образно передан порыв сильного степного ветра. Три ступеньки вглубь — земляной пол, домотканые половики, иконы, комод, пирамида подушек на кровати, кругом рукодельные кружева, чистота и уют. В солнечных лучах, ярко льющихся сквозь крохотное оконце с геранью, у зеркала прихорашивается та же девушка, обнажившись перед переодеванием; плита с ватным, дровишки, сверху — полаты с малышами, а на самом первом плане, у бочки с соленьем, — костыли, означающие... великое счастье: отец вернулся с фронта хоть безногим, но живым! Тихой, мудрой ностальгией веет от этого «деревенского» произведения.

Но больше всего в экспозиции рисунков иного рода, в которых как-то помудрому «зашифрованы» аллегии, символы, предвидения, космизмы.